Екатерина Элбакян

«В отличие от теологии аксиомы в науке носят локальный, “технический” характер...»

Ответы на вопросы редакции

Ekaterina Elbakian

“In contrast to theology, the scientific axioms are only local and ‘technical’...”

Ekaterina S. Elbakian — Academy of Labour and Social Relations (Moscow, Russia). elbakyanes@gmail.com

Ekaterina Elbakian, a leading specialist in religious studies, answers to the questions about theology and its prospects as an academic discipline in institutes of higher education in Russia. In particular, one can find discussion of the questions concerning the subject of theology, relations between theology and the study of religion, the dogmatic limits of free theological investigation, and confessionalism in academic life. In general, Prof. Elbakian is quite skeptical about the presence of theology in secular universities, and she has doubts about the scientific status of the discipline that places God at its very center.

Keywords: theology, higher education, positivism, Russia, study of religion.

Элбакян Е. «В отличие от теологии аксиомы в науке носят локальный, “технический” характер...» (интервью) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 190-199.

Elbakian, Ekaterina (2016) “In contrast to theology, the scientific axioms are only local and ‘technical’...” (interview), *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 34(3): 190-199.

Что вы можете ответить тем, кто утверждает, что теология — это наука о Боге? Если это не наука о Боге и о мире в свете Бога, то в чем заключается особый объект и предмет теологии?

Екатерина Элбакян: Я могу ответить, что любая теология — это учение о Боге и его самообнаружении в мире. Обнаружение Бога — это сугубо субъективная процедура, которая осуществляется в рамках личного религиозного опыта человека либо группового опыта членов религиозного сообщества. Обнаружение возможно только в случае Божественного самообнаружения (то есть «по воле Божией»), и ни в каком ином случае, с позиции теолога, это невозможно.

Но важно рассмотреть еще и аспект аксиоматизации в теологии и науке. Ясно, что аксиомы приняты и в научных исследованиях, в особенности в точных науках. Однако в отличие от теологии аксиомы в науке — как положения, принятые без доказательств (например, в математике), — носят локальный, я бы сказала, «технический» характер, являясь лишь элементами научных теорий. Кстати, в науке возможна и обратная процедура де-аксиоматизации. Если говорить о теологии, то аксиомой здесь является Бог — не некий локальный аспект теории, а непосредственный объект, на изучение которого, собственно, и направлена теология. Исходя из аксиоматизации объекта в целом, естественно устанавливать аксиомы и более локального характера. И не менее естественно, что в случае теологии де-аксиоматизация практически невозможна — то есть она, по существу, отменяет само существование теологии как таковой.

Как вы относитесь к мнению религиоведов, которые считают, что теология вторгается в их пространство? В чем специфика собственно теологического подхода?

Я ничего не могу возразить таким религиоведам, ибо сама разделяю это мнение. Достаточно посмотреть паспорт специальности «Теология», чтобы понять, что в него попали далеко не теологические аспекты и проблемы. Так, в формуле специальности, наряду со специфичным для теологии раскрытием ее содержания и основных разделов и источников теологического учения, находятся сугубо религиоведческие «основы вероучения и религиозных обрядов,

исторические формы и практическая деятельность религиозной организации, ее религиозное служение, религиозное культурное наследие в различных контекстах». И далее: «Теологическое исследование направлено на выявление, анализ и интерпретацию значимых аспектов религиозной жизни и их соотнесение с нормами конкретной религиозной традиции. Важной областью предметного поля специальности “Теология” является изучение истории и современного состояния отношения религиозной организации к другим конфессиональным учениям и организациям, а также к государству и обществу». Все это — сфера религиоведения, ибо объектом религиоведения является религия, а предметом — различные стороны проявления религии в жизни общества и отдельного человека. Объектом же изучения в теологии является Бог, предметом — самообнаружение Бога в мире, о чем уже было сказано. Ясно, что в направлении «Теология» может быть задана группа специальностей, и в нее может быть включен более широкий контекст, в том числе, конечно, и история собственно теологической мысли, и церковность, и способы собственного существования и развития. Но важно, что все это теологией должно рассматриваться в рамках теоцентричной картины миры. Наука же, решая «земные» задачи, получила импульс и развитие именно после смены парадигм, то есть в рамках антропоцентричной картины мира.

Возьмем пример диссертации по религиоведению на тему «Антропология апостола Павла», в которой автор пытается ценностно-нейтрально реконструировать представления Павла о человеке. Что автору пришлось бы изменить, чтобы представить свою диссертацию в совет по теологии?

Я не уверена, что подобная диссертация, если она выстроена в объективистском ключе, могла бы быть защищена в теологическом совете, который предполагает наличие у диссертанта определенной мировоззренческой позиции. Приведу пример, кстати, связанный как раз с апостолом Павлом. Недавно мне пришлось редактировать объемный текст, в котором критиковался христианский тринитаризм и отход от идей иудаизма в раннем христианстве, который связывался исключительно с личностью Павла. Я сказала авторам, что этот текст ненаучен, ибо нельзя рассматривать одну религию с позиций другой: это базовый принцип религиоведения как на-

уки. В данном же случае христианство рассматривалось и критиковалось с позиций иудаизма, тринитаризм — с позиций строгого монотеизма. На это авторы мне ответили, что они не претендуют на научность, а пишут текст как иудейские богословы. Что ж, говорить об аксиологической нейтральности теологии можно, но разговор такого рода лишен практического и теоретического смысла.

Если теология — наука, то какой парадигме в рамках философии науки она соответствует? Каковы критерии научности теологии? Можно ли развести научную и ненаучную теологию?

В философии можно выделить три ключевых направления: религиозная философия, иррациональная философия (антисциентистская), рациональная философия (сциентистская). Религиозная философия к философии науки не имеет отношения, равно как и иррационализм — философия жизни, экзистенциализм, то есть те философские направления, которые базируются на неких спонтанных ощущениях, интуиции, инсайте и т.д., а не на рационально-логических построениях. Ясно, что этот тип философии не может лежать в основе науки. Более того, иррационализм прямо заявляет о невозможности познания действительности научными методами, ибо для этого нужны совсем иные процедуры — спонтанное озарение, интуитивное прозрение, интеллигибельное созерцание и т.д. Однако если говорить, например, об экзистенциализме как крупнейшем антисциентистском философском направлении XX в. с его ключевой категорией бытия, то необходимо обратить внимание, что все-таки между бытием и сущностью в экзистенциализме остается некий «зазор», и этот «зазор» не является ни Богом, ни нуминозным, ни вообще чем-то сакральным.

Остается еще один тип — рациональный, в котором приоритет в познании мира отдается человеческому разуму. Как ни парадоксально, но противостояние рационализма (в узком смысле слова) и эмпиризма, на мой взгляд, привело к позитивизму — рационалистическому направлению, положившему в основу «факты, факты и ничего, кроме фактов». Ясно, что позитивизм пережил много стадий и не является единым философским направлением, состоя из множества школ, но тем не менее его базовый принцип остается неизменным. Так, если говорить о постпозитивизме, или логическом позитивизме, то можно вспомнить, например, аналитическую философию, в рамках которой аналитические суждения

рассматриваются как обусловленные логически: их ложность или истинность зависит исключительно от соответствия логическим процедурам, и совсем неважно, соответствуют ли они реальным фактам, в то время как синтетические суждения, в поисках истинности, апеллируют к реальным фактам, то есть эмпирически обусловлены. В контексте гносеологии это означает, что у человека имеется некое априорное знание, не из опыта полученное, а возникшее благодаря «чистой» логике. Далее, если мы рассматриваем не отдельно взятые суждения, а текст как таковой (то есть логическую совокупность суждений) и контекст, на фоне которого разворачивается текст, то возникает вопрос о возможности установления истинности всей совокупности суждений и сомнение в необходимости их разделения на аналитические и синтетические. В феноменологии Э. Гуссерля в результате трансцендентально-феноменологической редукции мы получаем сознание чистого Эго, в структуре которого имеются ноэзис, ноэма и интенциональность. Все конкретные онтологические факты из этого сознания устранены. Эрнст Кассирер, с другой стороны, рассматривает науку, искусство и религию как попытку человека трансцендировать, то есть выходить за пределы самого себя.

Теперь у меня возникает риторический вопрос: какая философская школа рационалистической (сциентистской) философии может стать методологической базой для разработки теологических проблем? Я не вижу таких возможностей. Ни аналитические суждения о Боге (вспомним логические ошибки доказательств бытия Бога у Августина, Ансельма, Аквината и др.), ни синтетические (отсутствие фактического подтверждения в реальности) невозможны. Феноменологический метод тут бессилен — «чистое сознание» не включает идею Бога. А трансцендирование как выход за пределы собственной личности также вполне возможно и без Бога (пример — искусство и наука XX в.). Сам по себе позитивизм также не оставляет места теологическим размышлениям, ибо «факты» не могут их ни подтвердить, ни опровергнуть.

Если же уйти от философии (учитывая, что философия несет в себе элемент мировоззрения) и обратиться к науке, то необходимо остановиться на типах и принципах научности.

Классическая наука, в основе которой лежит механистическая картина мира, в качестве нормы провозглашает объективность, то есть соответствие наших представлений об объекте внешнего мира или о каком-то внешнем явлении этим объекту или явлению. Это, в свою очередь, предполагает элиминацию (устранение) субъ-

екта, то есть отстраненность исследователя от своих личностных характеристик, мировоззренческих ориентаций, шкалы ценностей.

Неклассическая наука, возникшая на рубеже XIX–XX вв. в результате открытий на уровне микромира (в частности, квантовой механики), опирается на познавательные способности субъекта. Следствием этого становится «допущение» субъекта в мир объектов, а идеи тождества восприятий и вещей, языка и реальности являются весьма популярными во многих философских концепциях XX века. Постнеклассический этап в развитии науки, начавшийся в 1970-е гг., предполагает междисциплинарность научных исследований, и поэтому постнеклассическая наука способствует конвергенции естествознания и социально-гуманитарных наук. Метод «объективного» (или «внешнего») описания объектов и/или явлений (в первую очередь социальных) был дополнен методом их изучения «изнутри» — с точки зрения людей, образующих социальные, в том числе религиозные, структуры. Здесь приоритетное значение остается за постижением смысла, когда в качестве основной методологической процедуры используется не столько объяснение (как в естественных науках), сколько понимание. Недостаточным является описание исследуемых процессов, которое имеет большое значение в естествознании; оно дополняется интерпретацией текста в широком значении этого понятия.

Несмотря на то что наука, безусловно, постоянно находится в развитии и меняются ее парадигмальные основания, все-таки ключевым моментом остается изучение наукой того, что существует само по себе, независимо от субъекта. Ее не интересует, почему это есть, что могло бы быть, что должно быть и насколько это хорошо или плохо. То есть сослагательные и аксиологические суждения научный подход исключает. В целом наука базируется на доказательстве, поэтому для научного сообщества имеет смысл только то, что можно подтвердить или опровергнуть. На сегодняшний день этим сообществом признается ряд критериев научности, среди которых можно выделить следующие:

1. Принцип верификации, в силу которого научным является только то знание, которое можно подтвердить.
2. Принцип фальсификации, в силу которого только то знание является научным, которое можно изменить: опровергнуть или дополнить.
3. Принцип объективности, то есть постулирование того, что принадлежит объекту и не зависит от субъекта.

4. Принцип рациональности: обоснованность разумом, доступность разумному пониманию, в противоположность иррациональности как чему-то неразумному, недоступному разумному пониманию. В методологии научного познания рациональность понимается двояко. Чаще всего она истолковывается как соответствие законам разума — законам логики, методологическим нормам и правилам. Иногда под рациональностью понимают целесообразность, некое целеполагание, предполагающее определенные логически выверенные шаги по достижению поставленной цели.
5. Принцип методичности — последовательность логических процедур, заранее нацеленная на достижение определенной цели.
6. Принцип истинности, под которым подразумевают соответствие знания (шире — информации) познаваемому предмету (шире — объекту). На основе признака истинности формулируется дополняющий его признак предметности знания: всякое знание должно характеризоваться отношением к существующему вне него познаваемому, ибо если нет познаваемого, то нет и знания.
7. Принцип системности: только та информация является научной, которая должным образом структурирована.
8. Принцип изменяемости частей: только та информация является научной, составные части которой можно изменить, то есть опровергнуть или дополнить.
9. Принцип интерсубъективности выражает свойство общезначимости, общеобязательности, всеобщности знания — в отличие, например, от мнения, характеризующегося необщезначимостью, индивидуалистичностью.
10. Принцип аксиологической нейтральности, предполагающий недопустимость вынесения оценочных суждений об исследуемом объекте.

Исходя из сказанного, я хотела бы опять повторить риторический вопрос: каким образом эти принципы научности «работают» в сфере теологии, если последнюю наделять статусом науки? Ведь, строго говоря, сверхъестественным вмешательством можно объяснить все что угодно, однако подтвердить ни одно из объяснений нельзя.

Как определяется конфессиональность в теологии? Через самоидентификацию? Или есть объективные критерии?

Конфессиональность — это самоосознание внутри конфессии не только в смысле номинальной или реальной принадлежности к ней, но и в смысле отношения к внешнему для данной конфессии миру и к внутреннему бытию самой конфессии. Ключевым моментом здесь является вполне логичное восприятие истинности вероучения, культовой практики и т.д. собственной конфессии и ложности (или, в крайнем случае, «терпимости») всех остальных. В данном случае «работают» и личная самоидентификация человека, и объективные факторы, позволяющие его к этой конфессии отнести — его высказывания, соответствие определенной морали, образ жизни, поступки и т.д.

Что такое ортодоксальность применительно к теологии? Как вообще возможна ортодоксальность в науке?

К науке ортодоксальность неприменима. Это лишь аллюзия или реинтерпретация гносеологии и праксеологии. В естественных и точных науках ортодоксальность отсутствует, ибо при получении нового знания (как правило, эмпирическим путем, системой расчетов и т.д.) всегда возможен пересмотр устоявшихся («ортодоксальных») позиций. Сложнее обстоит дело с социально-гуманитарными науками, где, например, одно из философских направлений (тот же искаженный марксизм советского периода) может рассматриваться как «единственно верная методология» (та же «ортодоксальность»), исходя из которой выстраивается вся концепция исследования. Вместе с тем, преодолев идеологическую «надстройку», в «сухом остатке» мы обнаруживаем научную конструкцию/модель, в основе которой, как правило, лежит дедукция.

В религиозной сфере «ортодоксальность» другая — это догматизация и догматизм. В науке — это ее доказательность. «Ортодоксальны» ли законы Ньютона? Безусловно. Бросьте в окно любую вещь и лишний раз в этом убедитесь. Возможно ли их дополнить, или они неизменны, как религиозные догматы? Возможно — что и произошло на рубеже XIX–XX вв.: никто не отменял ньютоновскую механику, однако наши знания расширились, и она была существенно дополнена квантовой механикой.

Возможно ли дополнить Никео-Цареградский Символ веры? Возможно ли «догматическое развитие»? Нет, невозможно: это

противоречит основам вероучения. Об этом, например, неоднократно говорилось на религиозно-философских собраниях в Санкт-Петербурге в 1901–1903 гг., когда одно из заседаний было посвящено данному вопросу. Тогда церковь прямо ответила либеральной религиозной интеллигенции, что «догматическое развитие» невозможно. Как пример: вспомним, к чему привело добавление католиками формулы *filioque*.

Если теологическое исследование посвящено вопросу, по которому в данной конфессии нет согласованной позиции или вообще никакой позиции, то каков будет статус предлагаемых исследователем решений в соответствующей конфессии?

Думаю, что истинность или ложность выводов исследования в таком случае будет определяться тем, насколько они согласуются с вероучительными основами. Если согласуются, то эта работа может быть признана богословской, если же в чем-то не согласуются, то она вполне может быть отнесена, например, к разряду «религиозной философии», которая в целом отражает основные идеи той или иной религии или религиозного направления, но гораздо более «свободна» в толковании догматики.

Какова нормативность теологических суждений? Допустим, что теолог выдвинул и обосновал некую теологическую концепцию (например, получение автокефалии), которая стала легитимной в научно-богословском пространстве. Что это будет означать для церкви как конкретного религиозного сообщества?

Полагаю, что этот вопрос должен решаться с точки зрения канонического права. Если текст исходит из его позиций, то в аргументации «за» автокефалию он вполне может быть использован, если «нет», то вряд ли поможет чего-либо добиться... Обобщая, можно сказать, что нормативность теологических суждений зависит от выработанных в данной конфессии внутренних правил и процедур, а не от внешних по отношению к ней событий. В целом этот вопрос мне кажется не совсем корректным, так как публикация — это некая апробация, а не «патент».

Возможно ли в рамках университетской теологии развивать идеи, которые были отвергнуты как неприемлемые? Например, сможет ли защититься человек, который будет развивать софиологическую линию — в соответствии со всеми критериями научности?

Я думаю, что в рамках православной теологии такое вряд ли возможно. Софиология — это явный отход от православного богословия, от догматики; это — религиозная философия. С другой стороны, если теологию понимать в широком контексте, как включающую в себя ряд специальностей, то все возможно... В этом смысле софиологию можно рассматривать как развитие различных типов мысли. В том числе и заблуждений...

Не будет ли теология, которая тяготеет к индивидуализации, разрушать иерархический строй, бросая вызов мнению или действиям церковного начальства? Что важнее: голос иерархии или итог теологической рефлексии по поводу того или иного вопроса?

Я не думаю, что теологи могут находиться и находятся вне зависимости от церковной иерархии, интересы которой большинство из теологов выражает.

Если теология может быть только конфессиональной, то как объяснить ее существование во внеконфессиональном университете? Должна ли в университете присутствовать только внеконфессиональная теология?

Я не знаю, что такое «внеконфессиональная теология». Мне представляется, что «теологии вообще» — нет. Есть католическая, протестантская и т.д. теологии, которые стараются вместить в себя различные аспекты (т.н. «теологии родительного падежа»). Если же говорить об индивидуальной (внеконфессиональной) религиозности, то ясно, что у некоторых людей имеются собственные представления о Боге, — но при чем здесь теология? Теология — общее понятие, обозначающее некий класс предметов. Нет дерева вообще — словом «дерево» мы именуем ель, сосну, осину...